

*С*видетели
эпохи

МАРИЯ
БАРЯТИНСКАЯ

■

*Моя
русская жизнь*

Воспоминания великосветской дамы

1870—1918

Мария Сергеевна Барятинская
Моя русская жизнь.
Воспоминания великосветской
дамы. 1870-1918

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617775

Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1870–1918:

Центрополиграф; М.; 2006

ISBN 5-9524-2008-7

Аннотация

Мемуары великосветской дамы Марии Сергеевны Барятинской, праправнучки фельдмаршала Суворова, жены флигель-адъютанта Николая II, Анатолия Барятинского, в мельчайших деталях восстанавливают тонкости придворного этикета и церемониала. Она вспоминает торжественность коронации и празднования 300-летия Дома Романовых, Европу начала века. Барятинская начинает повествование с описания смерти Александра III и восшествия на престол Николая II, рассказывает о Распутине и убийстве Столыпина, начале войны и о том, как организовывала работу военного госпиталя в Киеве. Мария Сергеевна бережно сохраняла записи о важных и мимолетных происшествиях, ценнейшие свидетельства, полные неповторимого очарования утерянного рая.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Мария Сергеевна
Барятинская
Моя русская жизнь.
Воспоминания
великосветской
дамы. 1870–1918**

Моей любимой дочери Мальшике посвящается

**Глава 1
Юность**

Детство мое было не очень счастливым, я рано лишилась матери – до того, как мне исполнилось три года. Она умерла при рождении моей сестры Эме. В нашей семье было четверо детей – три девочки и мальчик. После кончины моей матери мы оставались два года во Франции под опекой гувернантки, наполовину немки. Потом мы приехали к отцу в Санкт-Петербург, где он занимал очень хорошую кварти-

ру на Морской. Бабушка жила рядом с нами¹. Она была старенькой, но стремилась отдавать нам всю свою доброту и заботу. Тогда она была вторично замужем за князем Горчаковым. Она была урожденная Суворова, внучка знаменитого фельдмаршала, который был удостоен титула князя Итальянского за руководство боевыми действиями против французской революционной армии в Италии. В 1790 году во главе русской армии он взял Измаил, а после кончины был похоронен в Александро-Невской лавре. По его завещанию эпитафия гласит: «Здесь лежит Суворов». В 1900 году в ознаменование столетия со дня его смерти была организована торжественная церемониальная служба, в ходе которой император Николай II возложил венок на его могилу. Я там присутствовала как потомок Суворова в четвертом поколении.

Я была внучатой племянницей генерал-адъютанта его величества князя Александра Аркадьевича Суворова, который очень любил нас, детей; мы делились с ним нашими маленькими проблемами и радостями, а он симпатизировал нам во всех наших детских проделках. Он был большим другом царя Александра II.

И вот однажды император изъявил желание увидеть оставшихся без матери детей, о которых он так много слы-

¹ Родители кн. М.С. Бяратинской – Сергей Дмитриевич Башмаков (1831—1877) и Варвара Карловна, урожд. Шмидт (1841—1873). Бабушка – Варвара Аркадьевна (1802—1885), урожд. кн. Суворова-Рымникская, в первом браке Башмакова, во втором – кн. Горчакова (жена кн. Андрея Ивановича Горчакова (1776—1855)). (Здесь и далее примеч. ред.)

шал от их дядюшки. В назначенный день мы вчетвером с нашей гувернанткой отправились в Летний сад, расположенный на берегу Невы. Этот сад был заложен еще Петром Великим и часто служил сценической площадкой для происшествий в яркой жизни императрицы Екатерины II. Я помню, как мы шли по особой дорожке, по которой весной, когда таял снег, всегда прогуливался император, и было так сыро и грязно, что эту дорожку устилали дощечками.

Вдруг появился император, шедший вместе с великим князем Михаилом Михайловичем и моим дядюшкой Суворовым. Я была так взволнована от встречи с императором, что соскочила с дорожки и упала в небольшую яму. Не помню, как меня оттуда извлекли, но император сказал своим громким голосом: «Бедняжка!» – а потом расхохотался. Я, перепачканная, должно быть, представляла собой смешное зрелище. По возвращении домой гувернантка отругала меня за это происшествие, за мой неопрятный и весьма жалкий вид, но отец произнес, когда я заплакала, что это просто был инстинкт вежливости: я уступила дорогу императору, так как дорожка была очень узкой, а поэтому меня не следует ругать.

В тот же день дядюшка принес нам фотографию, подписанную императором, который, вручая ее, сказал: «Передай ее детям».

Позднее, тем же летом мы потеряли нашего любимого отца. Мы только что переехали на дачу под Петербургом, и нам

сообщили, что наш дорогой папа скончался. На одном из погребальных богослужений к нам подошел император Александр II и произнес: «Бедные дети!» Он также поговорил с нашей бабушкой, которая была уже очень стара и частично парализована, называя ее «бедная Варенька», как это она вспоминает в своем дневнике.

Император пообещал быть нашим наставником. У моего отца было крупное состояние, требовавшее больших хлопот в управлении и присмотре. После похорон мы стали жить у его сестры, нашей тети², в Висбадене, и наша бабушка поехала с нами. В то время Висбаден был чем-то вроде Монте-Карло и являлся местом встреч всех интеллектуалов Европы.

У тети была слабоумная дочь, весьма злобно настроенная. Она постоянно щипала нас и чего только не устраивала, но нам не разрешалось жаловаться. Она была всегда права, а мы – всегда не правы.

Помню, как княгиня Суворова (ее прозвище было «итальянская Лиза»)³ проиграла в карты огромное состояние, и чуть не разразился скандал. Моя бабушка была взбешена. Помню, как бабушка, привыкшая к тому, что ей потакают

² Речь идет о Марии Дмитриевне Батуриной, урожд. Башмаковой (1828—1895), жене сенатора Александра Дмитриевича Батурина. Она родная сестра отца кн. М.С. Барятинской.

³ Речь идет о кн. Елизавете Ивановне Суворовой-Рымникской (1839—?), урожд. Базилевской, жене кн. Николая Александровича Суворова-Рымникского (1834—1893). Она двоюродная тетка кн. М.С. Барятинской.

всю жизнь, как-то отказалась от хлеба, который ей принесли. Она вызвала пекаря и заявила (чтобы напугать его): «Не забывай, что я из рода Петра Великого. Моя мать – урожденная Нарышкина, и мать Петра Великого тоже была Нарышкиной. Если б ты принес ему такой хлеб, он бы избил тебя!» Пекарь испугался до дрожи в коленках, и для нее был испечен специальный каравай. Я упоминаю это как необычный пример особенностей старческого возраста, описанный моей бабушкой в ее дневнике.

Как только мы приехали в Висбаден, нас повезли навещать князя Николая Нассау, брата герцога Люксембургского, чье княжество было аннексировано Пруссией. Сейчас удивительный замок в Бибрихе открыт для широкой публики. Семья эта состояла из самого князя Николая Нассау, его жены Натальи, графини Меренберг (дочери поэта Пушкина), его сына, графа Георга (женатого на княжне Ольге Юрьевской, сестре моей бывшей золовки, княгини Юрьевской-Оболенской, певицы), графини Софьи Торби и графини Ады. Эти две девушки были очень симпатичны; мы, как правило, играли с ними каждое воскресенье. И до сих пор мы поддерживаем с ними дружеские отношения. Графиня Торби не изменилась с течением времени, и наши русские беженцы очень признательны ей за ее добрые дела.

После обеда в парке Висбадена давались концерты. Рядом располагалось казино. Здесь охотно бывали королевские особы Европы. Например, Христиан, король датский, каж-

дый год приезжал сюда на воды. Он выделялся из толпы прямой фигурой и высоким ростом и был весьма популярен благодаря простоте и приятности в общении. Многие наши великие князья также посещали Висбаден, который в то время считался очень модным курортом. Среди посетителей обращал на себя внимание старый герцог Кембриджский, которого сопровождал один из его сыновей, полковник Фитц-Джордж. Он всегда занимал одно и то же место и неизменно угощал нас конфетами. Мы всегда старались (по-детски) быть на виду, чтобы он не забыл о нас. Наша английская гувернантка постоянно выговаривала нам, но, должна признаться, это не имело эффекта.

Еще одним посетителем была княгиня Полина Меттерних, подруга императрицы Евгении. Ее шляпки всегда были украшены чересчур большим количеством прекрасных страусовых перьев, но одежда ее была самой элегантной. Именно эти люди наиболее запечатлелись в моей памяти.

После нескольких лет в Висбадене моего брата отправили в военную школу, а мы, девочки, по желанию нашего дедушки вернулись в Россию, где в Санкт-Петербурге у семьи был ряд квартир.

Меня послали в школу княгини Оболенской, где я встретила с двумя хорошими подругами: княжной Трубецкой, позднее вышедшей замуж за графа Алексея Беловского, и Ольгой Клейнмихель, ныне баронессой Корф.

Однажды утром мы услышали ужасную новость о том, что

в результате покушения убит император Александр II. Мой бедный дядюшка был абсолютно безутешен. Мы присутствовали на похоронах и участвовали в похоронной процессии; по возвращении домой у меня поднялась температура и распухло горло, потом все это перешло в скарлатину. Мы все ею заразились, и наши жизни оказались под угрозой. В результате болезни скончалась моя любимая, всеми обожаемая сестра Варвара.

Утрата нашей любимой сестры стала для нас огромным горем. Она была намного старше остальных членов семьи, у нее был добрый, милый нрав, и она была для младших вроде матери.

После того как мы оправились от последствий скарлатины, нас взяла под свою опеку моя двоюродная сестра, княгиня Гагарина. Эту зиму мы провели в деревне. От нее остались не самые счастливые воспоминания. Ну а потом мы вновь отправились за границу, в Ниццу, к моей тетушке, чей муж вот уже сколько лет был генеральным консулом России.

Тетя моя была несправедливой и суровой, и нам у нее приходилось трудно. Ее психически ненормальная дочь к тому времени скончалась, и всю свою привязанность она сосредоточила на старшей дочери Ваве – девушке, отличавшейся исключительным умом и высокой культурой. Она писала прекрасные стихи, пела и хорошо играла, но, будучи заметно старше всех нас, определенно проявляла некоторое высокомерие. Вторая дочь, Лала, обладала куда более приятным

характером. Она вышла замуж за моего брата, но, к сожалению, брак оказался неудачным. У тети также был сын Дмитрий, учившийся в школе в Германии. Дядя был самым добрым и приятным человеком. Мы все его обожали; он всегда старался сгладить все наши проблемы и сделать жизнь для нас, маленьких сирот, как можно более легкой.

Поскольку дом моей тети в Ницце был недостаточно вместителен, мы с сестрой жили вместе с нашими гувернантками, мадемуазель Ривуар и англичанкой мисс Уолтон, целиком посвященной в наши дела и кому я лично обязана самыми лучшими воспоминаниями.

Вскоре после приезда в Ниццу мы пережили очень тревожное событие.

Моя жизнь всегда состояла из штормов и переворотов, и очень рано я впервые встретилась с землетрясением. Как-то в карнавальную ночь между пятью и шестью часами утра меня разбудила моя верная гувернантка мисс Уолтон, которая, стоя у моей постели в старом красно-черном клетчатом халате, торжественным, но приглушенным, доносившимся откуда-то издали голосом обратилась ко мне: «Вставайте, Мария, настал наш последний час».

В изумлении я подчинилась ей. И тут я услышала совершенно странный шум и поспешный топот ног на ступеньках лестницы в нашем доме. Я подбежала к окну и выглянула наружу; моим глазам предстало неопишное зрелище. Улицы заполнили толпы народу, кричащего и вопящего от ужа-

са. Люди очертя голову выскочили из своих жилищ в самой нелепой одежде: одни были в маскарадных костюмах, наде-тых по случаю проходившего в ту ночь костюмированного бала, другие – в ночном одеянии и купальных халатах, в ко-торые они поспешно закутались, выбегая из ванной комна-ты. Несколько старух впали в истерику. Из-за криков и визга возник сущий ад, потому что было почти невозможно успо-коить толпу и восстановить какое-то подобие порядка. Страх совершенно деморализовал это возбужденное сборище лю-дей.

Какая-то пожилая женщина выбежала из дому полуоде-тая, надрываясь от крика, а оказавшийся рядом мужчина, не найдя иного способа ее успокоить, просто зажал ей ладонью рот, буквально «заткнув ее».

Тетушка, столь же перепуганная, как и мисс Уолтон, от-тащила меня от окна, вытолкнула на улицу. Я увидела, как с крыш домов падает черепица, а потом, наконец, догада-лась, что произошло, но толчков не почувствовала. Вдруг мисс Уолтон недовольным голосом сказала девочкам, нахо-дившимся под ее опекой: «Пожалуйста, отвернитесь, суда-рыни!» Потом мы узнали, что очутившийся возле нас госпо-дин в спешке накинул на себя лишь пальто и полотенце. На этот раз воистину можно было утверждать, что «не одежда творит человека».

Муниципальные власти Ниццы организовали для постра-давших от землетрясения различные представления в теат-

рах и концертных залах. В казино была устроена благотворительная распродажа, и мы, моя тетя, моя сестра и я, приняли в ней участие, работая в киоске, в котором продавались всевозможные русские сладости и товары, присланные прямо из России. Как-то во время торговли я увидела, как тетя бросилась навстречу высокой красивой даме с изумительно безупречным профилем. Она поцеловала ей руку и приветствовала с глубоким уважением, а потом, сделав нам знак подойти, произнесла: «А это, мадам, две девочки-сироты моего усопшего брата Сергея».

Прекрасная дама поцеловала нас обеих, а бывший с ней старый господин с маленькой бородкой вначале заговорил с тетей, а потом и с нами на немецком. Как только они отошли, мы с нетерпением стали расспрашивать тетушку, кто это такие. Оказалось, что это были король и королева Вюртембергские. Она была дочерью царя Николая I (который умер в 1855 году во время Крымской войны), великая княгиня Ольга Николаевна, отличавшаяся большой красотой. В дни ее молодости фельдмаршал князь Барятинский⁴, тогда еще молодой офицер, был безнадежно влюблен в нее, но император отказался дать согласие на их брак.

К моей тетушке подошел еще один интересный персонаж, и мы предложили ему цветы, которые он купил. Я услышала,

⁴ Имеется в виду кн. Александр Иванович Барятинский (1815—1879), генерал-фельдмаршал, командующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник на Кавказе с 1856 г. Предпринял энергичные наступательные действия против войск Шамиля и одержал над ними победу.

как тетя произнесла его имя с титулом «величество». Я стала ломать голову, кто бы это мог быть. Мисс Уолтон сообщила мне, что это король Бразилии дон Педро II, впоследствии свергнутый с трона.

Потом к нашему киоску подходили и беседовали с тетушкой несколько наших великих князей. Это были фельдмаршал великий князь Николай Николаевич со своим сыном великим князем Петром, который находился в Ницце по причине плохого здоровья, и великий князь Георгий Михайлович, а также княгиня Юрьевская (вдова от морганатического брака с императором Александром II) со своими двумя очаровательными девочками. Старшая, Ольга, вышла замуж за графа Георга Меренберга, брата графини Торби, а младшая вышла замуж за брата моего мужа, Александра.

Несколько дней спустя королева Ольга Вюртембергская послала за нами. Она жила в отеле «Des Iles Britanniques» на бульваре Виктора Гюго. Ее высочество с детских лет дружила с моими дедушкой и бабушкой и сейчас показала нам свои фотографии, включая и групповой снимок, сделанный в пору их счастливой юности. Во время этого визита к Ольге нас принял барон Вольф, ее управляющий, с которым мы часто встречались в последующие годы. Это был самый приятный человек, и он слыл любимцем всей русской колонии в Ницце. Жена его после его смерти вышла замуж за нынешнего итальянского посла в Лондоне, маркиза де ла Торретта. Его брат, барон Паузи Вольф из полка конной гвардии был

очень популярен в петербургском обществе, будучи самым искусным танцором.

В доме нашей тетушки мы часто видели двух дам в глубоком трауре. Одна из них была матерью, а другая – тетей известной писательницы и художницы Марии Башкирцевой. Они глубоко скорбели по поводу недавней утраты их обожаемого чада. Несмотря на свою молодость, Башкирцева была весьма знаменита, а одна из ее картин была приобретена Люксембургским музеем. Она была ученицей известного французского художника Бастьена Лепажа, умершего примерно в то же время от чахотки. Хотя эти две дамы сами по себе были не очень интересны, но в их маленьком особняке (с чудесным садом на Английском променаде) можно было часто встретить некоторых из самых знаменитых писателей и художников того времени. Там я познакомилась с Альфонсом Карром, великим французским писателем. Будучи юной девушкой, я не ведала о его славе и все никак не могла понять, почему его называют в честь фиалок «*Альфонс Карр*», которые я так часто покупала на Лазурном Берегу!

Знаменитая художница-анималистка Роза Боннер также была частым посетителем этого дома. Мой интерес возбуждал ее необычный костюм: черная круглая шляпа, итонская рубашка, очень узкая юбка и высокие сапоги. Она ходила с хлыстом и всегда в сопровождении крупного мастифа. Художница рассказывала, как несколько раз ради зарисовок ей приходилось проникать в клетки с дикими животными, ча-

ще всего со львами. В молодости ее картины не покупали, и она была вынуждена заключить контракт с неким финансистом. Этот человек сделал себе состояние на ее картинах, но в конечном итоге после многих лет упорного труда она смогла освободиться от его гнета. Эстампы с ее знаменитых картин со львами настолько известны, что не нуждаются в комментариях.

Каролус Дюран, сделавший яркий набросок Марии Башкирцевой, также посещал ее семью. К сожалению, эти две пожилые дамы не обладали даром сохранять жизнь в знаменитом салоне, как это делала Мария Башкирцева, привлекавшая людей своим очарованием и талантом, поэтому эти некогда знаменитые встречи в конце концов стали достоянием памяти. Две дамы спустили свое состояние за столами Монте-Карло, а в последующие годы я потеряла всякие следы их существования.

Когда мне было примерно шестнадцать, я встретила Пьера Лоти, выдающегося французского писателя. Помимо других официальных обязанностей, мой дядя должен был посетить французскую эскадру, стоявшую на рейде в Вильфранше и только что вернувшуюся с Дальнего Востока. Адмирал пригласил его на вечерний чай с танцами, и я вместе с двумя кузинами поехала с ним. Адмирал был исключительно приятный человек и принял нас весьма любезно, представив нам одного из своих старших офицеров, г-на Жюльена Вио. Флагманский корабль был впечатляюще украшен, а когда мы

прибыли, оркестр играл вальс.

Капитан Вио тут же закружил меня в его ритме. У него было весьма интересное лицо с большими блестящими глазами. Как только танец закончился, он спросил меня: «Мадемуазель, вы бывали когда-нибудь в Японии? Это самая пленительная и очаровательная страна».

Он рассказал мне много любопытного; с ним было исключительно приятно беседовать: его голос был так мелодичен, а французский – безупречен. Перед тем как нам сойти на берег, он поинтересовался, собираемся ли мы на танцы у князя Монако в честь французской эскадры, которые должны состояться на следующий день. «Скорее всего, да», – ответила я, а он продолжал: «Не уделите ли вы один танец мне, мадемуазель? Вы не забудете, не так ли – капитан Жюльен Вио? Тогда до завтра».

А на следующий день на дневном спектакле у князя Монако, когда раздавали программки на бал, он написал на моей: «Первый вальс, Пьер Лоти».

Вернувшись домой, я рассказала об этом моим кузинам и сделала при этом совершенно естественное замечание (как мне казалось): «Но почему Пьер Лоти, когда, в конце концов, его зовут просто Вио?»

«Ты маленькая простофиля! – воскликнули мои кузины. – Жюльен Вио и есть Пьер Лоти. Это его литературный псевдоним. Это он написал романы «Мой брат Ив» и «Мадам Хризантема», от которых ты была в таком восторге!»

А теперь можете себе представить, как я была горда.

Несмотря на строгость моей тетушки, мы всю наслаждались прекрасными солнечными днями и цветами Ривьеры, особенно Ниццей с ее разнообразной жизнью и космополитическим скоплением людей. У нас было много интересных экскурсий по окрестностям, овеянным легендами и фольклором, и мое воображение часто рисовало мне африканские орды, переплывающие синее Средиземноморье, или северных вандалов, переходящих через Альпы, чтобы стать лагерем на здешних берегах.

На мой семнадцатый день рождения, 5 апреля (по старому стилю), мне устроили праздник в Монте-Карло. Мы поехали по живописной горной дороге, ведущей из Генуи в Ниццу вдоль Средиземного моря, в большом фаэтоне. Как только мы успели пообедать в отеле «Париж», в зал вошли три очень молодых человека. Один из них поздоровался с моей тетушкой и поцеловал ей руку, а потом присоединился к своим друзьям, стоявшим неподалеку. Мне особенно приглянулся один из них, которого я нашла очень симпатичным, несмотря на его весьма небрежную и, по правде сказать, безобразную одежду. Моя тетя заметила, что говорившего с ней зовут Ваня и это сын ее двоюродного брата, графа Воронцова-Дашкова, министра императорского двора. «А кто остальные двое?» – спросили мы хором. Моя тетя засмеялась: «Я полагаю, вы более всего имеете в виду того симпатичного! Один из них – молодой князь Анатолий Баря-

тинский, но который из них, я не знаю».

Потом муж признался, что запомнил нашу первую встречу, а мое лицо заворожило его именно в тот день моего рождения.

По пути домой, когда на небе не было видно луны, а дорогу освещали только светлячки, один французский господин, чье сватовство пришлось очень по душе моей тетушке, сделал мне предложение выйти за него замуж. Я была очень удивлена и определенно не была в него влюблена. Тем не менее я отослала его к моей тете.

По прибытии домой нас ожидал приятный сюрприз. Неожиданно из Санкт-Петербурга приехал мой брат, которого мы не видели два года. Теперь он был офицером полка конной гвардии, в котором вот уже несколько поколений служили мужчины нашей семьи, – фактически это стало семейной традицией.

Мы сразу же заметили, что моя тетя питает надежду женить его на одной из своих дочерей. Хотя мой брат был очень богат и считался завидным женихом, он скоропалительно объявил о помолвке с нашей кузиной Лалой, второй дочерью тети, несмотря на то что мы выражали ему свое тайное несогласие (но вначале просто отделялся смехом, говоря, что любит одну девушку в Санкт-Петербурге). Он женился на Лале следующим летом, и мы все отправились в Россию на его свадьбу, остановившись в Стрельне, неподалеку от Санкт-Петербурга.

В Стрельне у нас случилась беда. Нашу любимую мисс Уолтон хватил удар, и она была парализована. Это событие косвенно привело меня к несчастливому первому браку⁵. Во время моей помолвки я вновь встретила с молодым князем Барятинским, когда направлялась в город со своим женихом. В этот раз он уже был камер-юнкером при императоре и весьма красивым мужчиной. Он взглянул на меня, а потом рассказал мне, что узнал меня.

Вскоре после заключения первого брака я вернулась на несколько месяцев в Ниццу, поскольку здоровье мое было неважным. По правде говоря, старый афоризм «Кто в спешке женится, у того в избытке времени, чтобы раскаиваться» был слишком справедлив в моем случае. Мой муж не был приспособлен к обычной домашней жизни, и я подолгу оставалась одна. Мы вернулись на Рождество в Санкт-Петербург, где, надо признать, его семья меня очень тепло приняла. В январе меня представили императрице Марии Федоровне на большом придворном балу, устроенном в Зимнем дворце. Я чувствовала себя очень стесненно среди всего этого великолепия. Роскошные залы и комнаты с их впечатляющими украшениями, изысканные наряды и блестящие мундиры произвели на меня такое впечатление, что мне почти казалось, что я оказалась в стране чудес.

Пока я делала реверансы и целовала руку ее величества, я услышала, как император Александр III спросил дядю мо-

⁵ Первым мужем кн. М.С. Барятинской был Алексей Владимирович Свечин.

его мужа, который в тот вечер был генерал-адъютантом при императоре: «Кто эта девушка с большими изумрудами?» – «Это моя новая племянница, ваше величество», – ответил генерал. В то время я была очень тонкой и похожей на девочку, а ключицы мои, должно быть, напоминали две куриные косточки, выступающие из-под декольте по русскому этикету. Впоследствии мой дядя сообщил мне, что император не мог поверить, что я уже замужем, и посоветовал мне поменять стиль одежды молодой девушки на другой, более соответствующий моему замужнему положению.

Прошло два года. Мне с горечью пришлось признать тот факт, что мое замужество оказалось ошибкой, и ранней весной я приняла неоднократно повторявшееся предложение моего дорогого брата навестить его в загородном доме. Он также жил один, поскольку жена его часто проводила время у своих родителей в Ницце, а он не мог уезжать вместе с ней, поскольку был предводителем дворянства и не хотел оставлять свои имения в Тамбовской губернии.

За месяц до того, как я уехала из Санкт-Петербурга, я приняла участие в благотворительном базаре, устроенном в Дворянском собрании в помощь голодающим. Мне в киоске помогала графиня Бобринская. Старший брат моего будущего мужа князь Саша Барятинский тоже был там, очень забавляя нас своим смехом и шутками. Вся императорская семья посетила базар; среди них был великий князь Сергей Ми-

хайлович, а с ним приходил и мой будущий муж, ныне офицер личной охраны императорской семьи. Я как раз говорила с его братом, который был большим моим другом, когда ко мне подошел великий князь Сергей и сказал: «Позвольте мне представить вам князя Толи Барятинского, брата Саши Барятинского?»»

Хотя Саша Барятинский был весьма привлекателен внешне, брат его был много красивее, в высшей степени занимателен и остроумен. Он припомнил нашу прошлую встречу в Монте-Карло и довольно долгое время оставался на базаре. Перед уходом он обернулся ко мне и произнес: «Мой брат говорит, что завтра обедает с вами. Можно мне прийти вместе с ним?» – «Конечно», – быстро ответила я. Не прошло и дня, как мы влюбились друг в друга.

После обеда он рассказал нам забавную историю. Начал следующим образом:

– В тот же день, когда я повстречал вас в Монте-Карло, – возможно, вы это помните, потому что всякий, кто меня хоть раз увидит, уже никогда не забывает, – скромно добавил он, – я купил билет до Ливорно. Оттуда я намеревался отплыть на Корсику, чтобы посетить великого князя Георгия Александровича (второго сына царя Александра III. – *Авт.*), который находился там по причине своего слабого здоровья. Меня по ошибке приняли за самого великого князя, поскольку губернатору Ливорно была послана телеграмма, в которой говорилось, что великий князь Георгий путе-

шествует инкогнито под именем князя Барятинского. В то время я ничего об этом не знал и, к своему удивлению, добравшись до Ливорно, удостоился государственного приема со стороны важных сановников.

Я прослушал длинную речь, в которой часто упоминалась высокая честь, которую я оказал этому городу своим личным визитом, и, наконец, меня провели к большому внушительному ландо. Я хотел избежать дальнейших почестей, и так как шел сильный дождь, я быстро забрался в карету, сел на место у окна и поспешно закрыл дверь, надеясь, что губернатор поймет, что церемония подошла к концу. Но – увы! Несмотря на проливной дождь, он, обогнув карету, подбежал к другой двери, вскочил в карету и уселся рядом со мной. Я сразу же увидел, что он не понимает моего французского, на котором я отчаянно пытался объяснить ему, что я вовсе не его императорское высочество великий князь. Наконец, я оставил свои попытки, и мы поехали в отель, где я увидел, как он заговорщицки шепчется с привратником. Я очень устал, и мне хотелось спать, но скоро мои сновидения были потревожены оркестром, заигравшим под окном российский государственный гимн.

Это оказалось последней каплей! Я вскочил и неистово попытался разъяснить ситуацию. Но повсюду видел сияющие лица и склоненные фигуры! Ничто из сказанного мною не могло изменить их уважительного отношения, поэтому я отказался от попыток доказать мою истинную личность и в

конце концов пошел спать.

Та же программа продолжилась наутро и на борту корабля. На это я мог не обращать внимания, так как был неважным моряком. Море штормило, будто присоединилось к заговору против меня, а потому я провел все время в одиночестве в своей отличной каюте. Когда мы прибыли на Корсику, капитан и пассажиры построились в два ряда, через которые я прошел, чувствуя себя очень глупо и неловко. Наконец, благополучно добравшись до места назначения, я рассказал всю эту историю великому князю, отчего он хохотал от всей души.

Сообщение во всех газетах о моем «императорском визите» гласило, что великий князь Георгий благополучно прибыл в Аяччо, а чтобы избежать церемоний, приличествующих его положению, он путешествует инкогнито под именем князя Барятинского.

Эту вырезку из газеты мой супруг послал своему отцу, который показал ее императору Александру III, а когда мой муж вернулся в Россию, его величество, улыбаясь, поинтересовался о происшествиях в ходе этой забавной поездки.

Мне понадобилось очень короткое время, чтобы понять, что Толи был действительно моей первой любовью. Примерно в середине марта князь Барятинский сообщил мне, что собирается вместе с друзьями поехать на охоту на медведя, к которой у него была большая страсть. Это достаточно опасный вид спорта. Медведи все еще спят в глубоких берлогах и

приходят в ярость, когда их будят ищейки. Полусонных, их надо убивать прямо на месте, иначе раненый медведь становится страшным соперником в поединке с человеком.

Я сама как-то видела трагические последствия одного неудачного выстрела. Полковой друг моего мужа, лейтенант Нефф, выстрелил в медведя, и тот упал. Считая, что зверь мертв, он подошел к нему, и тут, к его ужасу, медведь вдруг поднялся и зажал его в тиски. Лейтенанта спасли лишь друзья, застрелившие медведя, но зверь до этого успел отгрызть большую часть его ноги и бедра.

Князь Барятинский признался мне, что если он будет достаточно удачлив и убьет медведя (а у него было девять или десять ружей), то сочтет это хорошим предзнаменованием (Толи был очень суеверен, да и я такая же). Но, несмотря на мои мольбы, он так и не сказал, что имел в виду. Но полмесяца спустя он приехал ко мне и заявил: «Я убил медведя, и вы должны стать моей женой. Это и есть хорошая примета, о которой я говорил две недели назад». Я ему ответила, что все еще несвободна; хотя мой брат, видя мое несчастье в браке, настаивал на разводе, тем не менее это потребовало времени. Я вернулась в поместье брата. Пройдя через многие затажки и трудности, в 1894 году я вышла замуж за князя Анатоля Барятинского. К тому времени мой первый муж уже умер.

В период моего второго замужества отец моего супруга исполнял обязанности генерал-адъютанта его величества на

службе у вдовствующей императрицы; у него и моей свекрови было три сына и три дочери, и к тому времени никто из них не состоял в браке. Наша свадьба была первой в этой семье. Потом мой молодой деверь Владимир женился на актрисе Лидии Яворской; затем моя самая старшая золовка Анна вышла замуж за князя Щербатова, адъютанта великого князя Николая Николаевича. Мой самый старший деверь Александр женился только в 1901 году, как я упоминала ранее, на княжне Екатерине Юрьевской, изумительно красивой дочери императора Александра II от морганатического брака с княгиней Долгорукой. Ей был дан титул княжны Юрьевской.

Из оставшихся двух сестер Ирина вышла замуж за капитана Мальцова, морского офицера (моя свекровь какое-то время противилась этому браку), а другая дочь, Елизавета, стала супругой графа Апраксина, впоследствии назначенного к особе ее величества императрицы Александры Федоровны. Это назначение всех удивило, так как у него было слишком мало качеств для столь высокого поста.

Родители моего мужа были исключительно добры ко мне, и у нас всегда были самые лучшие отношения. Моя свекровь была очень добродетельной и набожной женщиной, чьим девизом в жизни был долг. Несмотря на больное сердце, она редко думала о себе, все свои силы она направляла на то, чтобы помочь окружающим. Когда я вышла замуж за Толи, ее старая мать все еще здравствовала и проживала в том же доме вместе с дочерью и зятем. У нее была своя половина

из нескольких комнат. Звали ее графиня Стенбок-Фермор, и она была одной из самых богатых женщин в Европе. Ей принадлежали огромные рудники на Урале и в Сибири, дома, деньги и другая собственность. Она была хрупкой женщиной, одевалась очень скромно, была очень религиозной и помогала многим монастырям.

Однажды она позолотила за свой счет купола монастыря Святого Сергия недалеко от Санкт-Петербурга. Это стоило ей невероятных денег. Она была крайне консервативна во взглядах, не одобряла современных новшеств и никогда не ездила поездом, а также не допускала установки телефона у себя в доме. У нее был уникальный характер; ей был присущ исключительный ум, и своими делами она управляла с огромным искусством. В денежных вопросах она часто совершала неожиданные поступки. Как-то случилось, что ее старший сын Алексей, молодой офицер, влез в долги. Она отказалась уплатить их, и его мебель и другие вещи были объявлены к продаже. Лишь посредничество его величества Александра II вынудило ее уладить дела.

В другой раз, однако, мой деверь, ее внук, Александр сообщил семье, что собирается признаться бабушке, что также серьезно задолжал. «Я попрошу сразу же, если она меня примет», – заявил он. Мы думали, он шутит, но он пошел к бабушке, и, вероятно, его благосклонно выслушали, потому что через полчаса он вернулся, сияя, с чеком на 200 000 рублей. «Бабушке очень понравилось, что я был с ней откровен-

нен», – спокойно рассказал он нам. Но потом он по секрету признался мне, что, когда он вошел к старой даме и начал свою историю, его терзали сомнения. И все же приятные манеры и глубокий ум моего деверя компенсировали его непрактичность.

Когда бабушка умерла в возрасте восьмидесяти трех лет, она оставила после себя огромное богатство в размере примерно 100 000 000 рублей, и, хотя эта сумма была поделена среди очень большой семьи из нескольких поколений, каждому досталось очень прилично.

Глава 2

Мое замужество. – Семья Барятинских. – Смерть царя Александра III. – Восшествие на престол царя Николая II и его женитьба

Я вышла замуж 17 августа 1894 года. Моему супругу, второму сыну генерал-адъютанта его величества князя Барятинского, в то время было только двадцать три, и он обладал очень привлекательной внешностью. Муж был адъютантом и лейтенантом в 4-м стрелковом Императорской фамилии полку, содержавшемся целиком на средства, поступавшие от членов императорской семьи, которая тогда составляла в нем один из батальонов. Командиром этого батальона в тот период был дядя моего мужа, граф Шувалов по прозвищу Бобби, важная персона старого времени, и подчиненные его очень любили. Он был женат на княгине Елизавете Барятинской – среди друзей ее звали Бетси Шувалова. О ней далеко шла слава чудесной хозяйки и очаровательной женщины, а также много говорили о восхитительных балах и развлечениях, которые она устраивала в своем прекрасном дворце в

Санкт-Петербурге.

Происхождение семьи Барятинских восходит к IX веку, к становлению первой правящей династии в России, разделенной в те времена на маленькие княжества, которыми правили князья одного рода, то есть потомки Рюрика. Князья Барятинские правили в Киеве и Чернигове, вот почему на их геральдическом щите присутствуют гербы этих городов: ангел Киева и орел Чернигова.

Мой муж учился в Императорском Пажеском корпусе (военной школе) в то же время, что и его брат Александр. Оба они стремились получить назначение в конную гвардию, но мой свекор, сам одно время командовавший императорским стрелковым батальоном и не любивший кавалерию, хотел, чтобы мой муж поступил на службу в его старый полк, а для моего деверя выбрал Преображенский гвардейский полк, в котором сам начинал свою карьеру.

Наступил день выпуска. Братья купили себе форму и даже лошадей и были очень счастливы, что наконец-то их надежды воплотятся в реальность. Но после маневров, к огромной радости моего свекра, его величество император Александр III поздравил моего мужа с назначением в императорский стрелковый батальон, а моего деверя – в Нижегородский полк. Так и не осуществилась мечта братьев Барятинских, но они полюбили свои полки и были преданы своим солдатам.

Прежде чем продолжить рассказ, я бы хотела рассказать

немного о Пажеском корпусе.

Это училище было основано императрицей Елизаветой и преобразовано императором Павлом I, который, являясь Великим Магистром, сделал его центром Мальтийского ордена⁶. Посему все ученики, покидая корпус, надевали как отличительный знак белую эмалевую копию креста. Павел I также построил здесь огромный зал, в котором висел его собственный портрет в полной униформе ордена. На территории корпуса также находилась римско-католическая церковь. Он хотел, чтобы ученики брали пример с рыцарства, чьи лучшие черты воплощались во все времена в членах ордена.

Все ученики в этой школе были дворянами, и, когда в последний год учебы отбирались счастливчики в императорские пажи или придворные пажи, наиболее достойные, отвечающие всем требованиям для этого, становились личными пажами императора, а другие – пажами императрицы или великих княгинь в соответствии со своим рангом. Мой муж был придворным пажом великой княжны Ксении Александровны, сестры последнего императора Николая II. Ксения Александровна сейчас часто живет со своими детьми в Ан-

⁶ Завоевав в конце XVIII в. остров Мальту, Наполеон Бонапарт изгнал оттуда рыцарей Мальтийского ордена. Они нашли приют в России, а русский император Павел I принял звание гроссмейстера Мальтийского ордена. Наиболее знатным изгнанникам были отведены квартиры в здании Пажеского корпуса, здесь же была построена для них церковь – Мальтийская капелла, а всех воспитанников корпуса Павел зачислил в мальтийские рыцари. Поскольку этот указ Павла впоследствии так и не был отменен, пажи вплоть до революции продолжали считать себя рыцарями и носить на груди мальтийские крестики.

глии или с любимой матерью, вдовствующей императрицей Марией, в Копенгагене. Все, кто был знаком с этой благородной женщиной, любили ее за великую доброту и скромность и восхищались тем, как она достойно и мужественно боролась с тяготами, через которые ей (и всем нам) пришлось пройти, но к которым она была готова менее, чем многие другие.

Семья Барятинских всегда была тесно связана с императорской семьей. Мой муж воспитывался вместе с императором Николаем II и его братом и сестрами.

Мы поженились в тот же год, что и его величество. Свадьба проходила в имении моего брата в Тамбовской губернии.

Опишу весьма забавный инцидент. (Кто бы мог подумать тогда, когда мы все были так беззаботны, а будущее выглядело столь безоблачным, что все мы погрузимся в невероятную катастрофу?) Шафером моего мужа был его лучший друг лейтенант Каховский, в то время офицер императорского батальона. Позднее его назначили управляющим великого князя Георгия Михайловича (который так жестоко был убит вместе с другими великими князьями около двух лет назад и чья дочь от его брака с греческой принцессой Марией недавно вышла замуж за американца Вильяма Лидса, сына греческой принцессы Кристофер). В России была традиция, по которой шафер провожал жениха до церкви, а потом возвращался за невестой и сообщал ей, что ее жених вошел в

церковь, и в то же время вручал ей свадебный букет от имени ее будущего мужа.

Время шло, и я не понимала, почему мой жених все еще не приехал, а в это же время мой жених в тревоге ожидал меня. Наконец мой брат послал верхового выяснить, что случилось, – и узнали, что лейтенант Каховский из-за сильной жары заснул в карете в тени деревьев в нескольких шагах от окна, у которого я терпеливо дожидалась его.

Когда мы во время медового месяца остановились в Санкт-Петербурге по пути во Францию и Италию, великий князь Сергей Михайлович вручил нам прекрасную икону (складень), подаренную тогдашним престолонаследником, впоследствии императором, великими князьями и офицерами – товарищами моего мужа. На иконе в центре была изображена Пресвятая Богородица, а по обе стороны от нее – наши святые заступники святая Мария и святой Анатолий.

Во время пребывания в Италии на озере Комо мне приснился очень четкий сон, в котором я увидела, что император Александр III тяжело болен. Я рассказала об этом своему мужу, а два дня спустя мы прочли в «Figaro», что его величество внезапно заболел и что к его ложу приглашены знаменитые профессора Лейден из Берлина и Захаров из Москвы. Эта новость вызвала всеобщую тревогу. В бюллетенях сообщалось, что государь страдает от заболевания почек, полученного, несомненно, в Петергофе, месте довольно грязном, где его величество, несмотря на предупреждения, недоста-

точно заботился о себе.

Новости становились все более настораживающими. К этому времени моему супругу надлежало вернуться к несению службы в Царское Село, где квартировал его полк. Мы отправились из Парижа в Россию через Берлин. Там на вокзале мы увидели великую княгиню Елизавету в сопровождении ее сестры, невесты престолонаследника, принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, которая спешила в Крым к постели больного будущего свекра, а также чтобы утешить своего жениха в трудный момент его жизни. Так я впервые увидела ее. Она была очень похожа на свою сестру, в которой, правда, было больше неземной красоты; но что меня больше всего поразило в будущей императрице, так это ее застенчивость и чрезмерно меланхоличное выражение глаз, которое было нелегко забыть.

На границе в Александрово, где специальный поезд ожидал, чтобы доставить высоких особ на юг России, принцесса заговорила с моим мужем, которого, как она припомнила, встречала во время первого посещения России, когда еще только ходили слухи о том, что она помолвлена с престолонаследником. Обе сестры сообщили моему мужу, что, хотя, к сожалению, никакого улучшения в состоянии здоровья его величества не произошло, они надеются, что не опоздают с приездом. Они выглядели опечаленными и встревоженными. Так что уже первые шаги будущей императрицы в России были отмечены предчувствием трагедии.

Мы приехали домой, когда приготовления к нашему приезде в нашем деревянном загородном доме только что завершились. По прошествии времени мы в этом доме собрали много прекрасных вещей и провели немало счастливых лет.

Новости о состоянии здоровья императора становились все более безнадежными. Во всех церквях произносились молитвы о его выздоровлении. 20 октября (по старому стилю) великий князь Кирилл позвонил моему мужу и сообщил, что его величество скончался и что первое мемориальное богослужение состоится в три часа того же дня. Я хорошо помню глубокое впечатление, которое оказала на меня эта служба и какое чувство невосполнимой утраты оставила смерть его величества у всех его верных подданных. Его справедливо называли «великим миротворцем». Он привел Россию к зениту, и тогда невозможно было представить, что такая ужасная трагедия случится в будущем.

После панихиды мы все прониклись ожиданием того, что принесет новое правление. Все испытывали глубочайшую симпатию к императрице Марии Федоровне, чья супружеская жизнь была ярким примером для всех.

Тело усопшего императора было забальзамировано и специальным поездом доставлено из Крыма в Санкт-Петербург. На всех остановках огромные толпы народа благоговейно преклонялись и отдавали последнюю дань уважения своему обожаемому царю. После короткой остановки в Москве его останки были привезены в Санкт-Петербург, где должно бы-

ло состояться погребение в Петропавловской крепости, бывшей местом захоронения членов императорской семьи. Похоронной процессии предстоял длинный путь, так как вокзал находился на большом расстоянии от собора. В ноябрьский день похорон было холодно, пасмурно и тоскливо, как будто скорбела сама природа. Впечатлял похоронный corteж, имевший огромную протяженность – возможно, для меня особенно, так как мне никогда не приходилось видеть похороны императора. Русские панихиды и погребальные песнопения прекрасны и печальны сами по себе, и музыка, бесконечные полки в полной форме – все это делало всю церемонию тем более внушительной и производило неизгладимое впечатление на всех присутствующих.

В процессии присутствовали две выдающиеся фигуры, мужчины в одеяниях средневековых рыцарей. Один был верхом на лошади с расшитой золотом попоной, и сам всадник был тоже целиком одет в золото, его сверкающий шлем был откинут назад и украшен тремя перьями черного, желтого и белого цветов – цветов Российской империи. А второй был пешим, одет полностью в черные доспехи, с опущенным на лицо забралом. Они представляли соответственно «Радость» и «Печаль». Каждое губернское правление прислало от себя знаменосца, несущего стяг с гербом губернии и ведущего лошадь со щитом, изображающим герб главного города. Офицеры несли на красных подушках все короны Российской империи, которые символизировали Царство Поль-

ское, царя Сибири, Астрахани, Казани и других земель, – самая старая называлась «Шапка Мономаха»; потом следовали все императорские ордена и награды, царская корона, большая и малая печати Царства.

Гроб был закрыт покровом из золота и парчи, отороченным горностаем, и на нем был вышит императорский герб. Похоронную колесницу, которой правил самый старый возница двора его величества, тянули восемь лошадей в черных пополах, а на голове у них были закреплены три пера национальных цветов. По обе стороны от гроба имелись ступеньки, на которых стояли двенадцать генерал-адъютантов, державших стойки балдахина над гробом. Двенадцать генералов свиты держали шнуры от балдахина, а двенадцать адъютантов – кисточки. По обе стороны от усопшего императора шагали камер-юнкеры, неся зажженные факелы. Сразу позади шел молодой император, окруженный членами императорской семьи и представителями иностранных держав. Он был очень бледен и казался глубоко погруженным в свое горе и серьезность момента. Но его добрые глаза как будто просили поддержки от его любимого народа, и наполненные слезами глаза его подданных отвечали пониманием. Когда кортеж проходил мимо Аничкова дворца, заметили, что молодой император пытается незаметно смахнуть слезы.

Самый торжественный момент настал, когда кортеж медленно пересек Неву по мосту, соединяющему город с островом, на котором построена Петропавловская крепость. У

усыпальницы, где умерший был предан земле, молодой самодержец, видимо, чего-то ждал и колебался, но лишь до тех пор, пока граф Воронцов-Дашков не сказал ему, что надо вспомнить, что теперь он – император и что нет никого выше его. Потом муж говорил мне, что после похорон полностью осмыслил французскую поговорку: «Король умер, да здравствует король!» Правители не могут горевать, и молодому императору пришлось отвернуться от умершего и, подчиняясь церемониалу, приветствовать свои войска и принимать приветствия от них. Войска вернулись в казармы под звуки бодрого марша.

14-го числа того же месяца ноября (по старому стилю) очень тихо была сыграна свадьба императора в Зимнем дворце. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, присутствовавшая на ней, была глубоко тронута и с трудом смогла сдержать свои эмоции. Она всего лишь месяц назад овдовела, и этот день был также ее днем рождения – какие горькие и сладкие воспоминания, должно быть, проносились у нее в мыслях!

Пара молодоженов выглядела печальной и озабоченной. События предшествующих недель все еще были свежи в их памяти. Предчувствие катастрофы и беспорядков, которое они ощутили тогда, впоследствии не покидало императора Николая во время всего периода его правления. После церемонии молодая императорская пара уехала в Аничков дворец, личную собственность вдовствующей императрицы,

а потом молодые отправились в Царское Село, предпочтя меньший дворец Александра I дворцу Екатерины Великой, который был слишком огромен и официален.

Ввиду траура императорская чета жила в глубоком уединении, и с прошествием времени императрица продолжала вести все более и более затворническую жизнь, и даже ее придворные дамы – одной из которых была моя тетьа, княжна Мария Барятинская, – очень редко ее видели. В 1895 году родился их первый ребенок – дочь Ольга. Это вызвало большое разочарование, поскольку очень надеялись на рождение сына и наследника, и это событие, к сожалению, не прибавило императрице популярности.

На Пасху мой муж был назначен флигель-адъютантом его величества, что оказалось весьма неожиданным, так как он не был самым старшим сыном, и это стало скорее исключением из правил. Нам даже сообщили из надежных источников, что моему деверю вот-вот будет оказана эта честь. Как ни странно, вопреки всякому смыслу у меня было особое предчувствие, что все-таки мой муж получит эту должность. Я сказала ему: «Я уверена, что, несмотря на то что ты младше, император выберет тебя». Но он лишь ответил: «Прошу тебя, не говори чепухи» – и не пожелал больше ничего слушать на эту тему.

В канун Пасхи он стал торопливо одеваться, чтобы принять участие в праздновании в Санкт-Петербурге, когда зазвонил телефон. Я моментально интуитивно поняла смысл

этого звонка и сказала ему, что это сообщение о его назначении. Однако он запретил говорить ему об этом и попросил меня снять трубку. Это был великий князь Александр Михайлович, просивший пригласить князя Барятинского, и, когда он заговорил с мужем, выяснилось, что он хотел его поздравить с назначением адъютантом. Так что мое предчувствие меня не подвело!

Далее мне хотелось бы сказать кое-что о праздновании Пасхи в России и сопровождающих его обрядах, которые я считаю уникальными. Эта великая церемония начинается в полночь на пасхальное воскресенье. Тысячи колоколов своим благовестом напоминают о себе верующим. Колокольный перезвон особенно впечатляет в Москве, в которой, как говорят, сорок сороков церквей, чей звон очень красив и мелодичен. Священники облачаются в роскошные одеяния из золотой и серебряной парчи, некоторые из них – прекрасные копии древних византийских церковных одежд.

Перед полуночью формируется процессия, возглавляемая священниками и членами общины, которые несут святые иконы, а за ними следуют остальные верующие с зажженными свечами. И затем они торжественно шествуют вокруг церкви, а входя в нее, поют: «Христос воскрес!» А потом многие из них, согласно русскому обычаю, целуют друг друга три раза в щеки, приговаривая: «Христос воскрес!», на что другие отвечают: «Воистину воскрес!»

Также люди одаривают друг друга пасхальными яйцами в

соответствии с уровнем жизни. Это могут быть либо обычные вареные крашеные яйца, либо яйца из золота, иногда украшенные драгоценными камнями или эмалью. У меня самой была чудесная коллекция, но, как и все другое в России, она исчезла. В Санкт-Петербурге, в Исаакиевском соборе, проходила самая торжественная церемония, где богослужение проводил митрополит с архиепископами и остальным духовенством православной церкви. Царская семья и все придворные участвуют в пасхальной обедне в церкви в Зимнем дворце. Это роскошное и прекрасное зрелище. И вот на эту обедню торопился мой муж, и у него даже не было времени попрощаться со мной, лишь на ходу он бросил, что я была права! И он ринулся на вокзал, опасаясь опоздать.

В поезде на Санкт-Петербург он встретился со своим командиром, который еще не знал о новом назначении. Толи был так счастлив и взволнован, что несвязно говорил и забыл упомянуть о своей новой должности, считая, что каждый должен знать об этом сам по себе. Он пожаловался командиру на неспешный ход поезда и сказал: «Мне нужно по приезду явиться к Фокину». Бедняга не понял, о чем говорит мой муж, и произнес: «Чего ради? Кроме того, князь, вы не видите, что уже одиннадцать часов ночи?» На это мой муж ответил: «А мне все равно. Я его разбужу». – «Но зачем?» – вопрошал удивленный командир, который про себя подумал, что мой муж слегка выпил. И вот только теперь муж рассказал ему: «Как – почему? Чтобы получить свои ак-

сельбанты⁷. Разве вы не знаете, что я назначен адъютантом его величества?»

Настала очередь командира удивить моего мужа, сообщив ему великую новость о том, что мой свекор повышен из генерала свиты в генерал-адъютанты. Так что семье Барятинских оказана двойная честь.

По приезде мой муж ринулся будить несчастного Фокина и в спешке даже оборвал шнур звонка, заметно перепугав доброго хозяина магазина и его семью! Он приветствовал его словами:

«Не дадите ли вы мне пару аксельбантов?» – «Но в это время ночи у меня нет ни одного! Я даже не знаю, где мои продавцы их держат».

Но мой супруг не обратил ни малейшего внимания на извинения старика и сам стал лихорадочно просматривать один за другим ящики, пока, наконец, не отыскал нужное. Так как он был очень хрупкого сложения, а аксельбанты, несомненно, предназначались для более мощной фигуры, то они свободно свисали с его плеча. Но он был так горд своим назначением, что этого даже не заметил.

⁷ Аксельбант – скрученный шнур из золотого или серебряного галуна, носившийся на правом плече. Был знаком должности адъютанта.

Глава 3

Санкт-Петербург, его светская и придворная жизнь

Санкт-Петербург был построен Петром Великим, намеревавшимся сделать его достойной столицей новой России, которую он хотел создать. При строительстве столкнулись с огромными трудностями, потому что выбранный участок находился на соленом болоте, где Нева впадает в Финский залив. И до того, как начать что-либо строить, требовалось осушить и укрепить всю эту местность.

Древняя столица была городом, во времена Петра отрезанная от остальной Европы сотнями километров диких и почти бездорожных степей. Петр Великий решил, что его новая столица Санкт-Петербург должна находиться на морском побережье, чтобы дать государству, как он выразился, «окно в Европу». В период Великой войны (Первой мировой войны. – *Пер.*) немецкая форма этого названия была неприятна властям. А посему оно было изменено на более русское и стало Петроградом.

Во времена, о которых я пишу, этот город в социальном смысле был одной из самых ярких и привлекательных столиц в Европе. Он был очень живописен. Через город течет Нева, одна из крупнейших рек России (я полагаю, и Европы

тоже), и она заключена в красивые набережные из гранитной кладки, ограничена широкими эспланадами, удостоенными названий набережных. Эта длинная линия причалов, протянувшаяся на несколько километров, делится на части, известные под различными именами. Тут есть и Дворцовая набережная, где стоит Зимний дворец, Адмиралтейская стенка, Английская набережная и т. д. Дворцы великих князей, а также более мелкого дворянства вместе с большинством посольств выходят лицом на набережную и Неву, вид которой изумителен, особенно зимой, когда река замерзает на несколько месяцев.

Удивительно смотреть на санки с высоко вскидывающими ноги лошадьми, мчащиеся сквозь снег... Возницы при этом, чтобы уберечься от мороза, облачаются в толстые шубы из овчины.

В нашем загородном доме тоже была конюшня с лошадьми, и некоторые из них были призовыми, а другие оставались пока весьма дикими и пугались всего незнакомого. Однако наш главный кучер был умелым тренером и сделал все, что мог, чтобы приучить их к виду и шуму города. Некоторых мы продали, а некоторых послали участвовать в скачках, которые вот-вот должны были проходить в наших краях. Наш конюший особенно гордился одной красивой в яблоках серой лошадью и как-то сказал мне: «А не опробует ли княгиня ее сегодня на санках?»

Я попробовала возразить. «А ты уверен, что она не слиш-

ком резвая?» – спросила я. «Да она в отличном состоянии, ваше сиятельство! Не извольте сомневаться!»

Я дала согласие. Он запряг лошадь в небольшие санки, привязал шнурками на петли и застегнул на пуговицы на обоих бортах тяжелую меховую полость, которую было нелегко отвязать. На мне была громоздкая одежда без рукавов (шуба), так что руки были спрятаны под ней. Какое-то время санки быстро и ровно бежали по мягкому снегу. Какое наслаждение было вдыхать свежий чистый воздух! Мне казалось, что я лечу. Это создавало во мне ощущение почти неопишуемого воодушевления.

Так мы домчались до моста, по которому шел трамвай. Грохот трамвая и звон колокола, который раздался в этот самый момент, вдруг перепугал нашу ретивую лошадь, и, вместо того чтобы мчаться прямо, она вдруг развернулась и опрокинула санки. Кучер вылетел из седла и сломал ногу (и, как оказалось, бедняга остался инвалидом на всю жизнь). А я оставалась в санках в то время, как лошадь, обезумевшая от страха, продолжала лететь сломя голову. Санки неслись на одном боку, и их заносило то в одну, то в другую сторону меж трамвайными линиями. Я, скованная своей тяжелой шубой, не могла даже отстегнуть полость и уже думала, что вот-вот наступит моя последняя минута. Городовой попытался было остановить лошадь, но, хоть он и отчаянно вцепился в нее, его отбросило на землю.

К этому времени мы домчались до конца моста, туда, где

находился университет. Несколько студентов бросились мне на помощь, стараясь схватить лошадь и поставить в нормальное положение санки, и когда мне, наконец, удалось высвободиться из полости и вывалиться из санок, первое, что я увидела, – я нахожусь возле какого-то дома, студенты оттирают мне руки снегом, чтобы привести в чувство. Городовой (который был залит кровью от своих ранений, полученных при попытке остановить лошадь) стал выяснять, кто я такая, и сразу же позвонил моему мужу, который довез меня до дому на одноконке. Бедная лошадь, пораненная и поцарапанная, так перепугалась, что ее пришлось отправить назад в деревню. Я чуть не погибла и до сих пор не могу вспоминать об этом случае без содрогания.

Мой свекор сам на следующий день отправился поблагодарить студентов и рассказал о происшедшем царю. Городовой, так мне помогший, получил повышение и был поставлен на посту перед Зимним дворцом, что считалось большой наградой, и этот человек был бесконечно благодарен. Это один из многих примеров доброты и внимания императора по отношению к своим подданным. Я могла бы рассказать много больше, но ограниченность объема книги вынуждает меня умолчать о них.

Двор Александра III выделялся своим строгим этикетом. В год давалось предписанное (обычно пять) количество балов. Самым главным из них был Парадный бал, на который приглашалось три тысячи гостей и где всех угощали рос-

кошным ужином. Три менее значительных развлечения после Парадного бала были известны как Концертные балы, так как проводились в Концертном зале. Там, под пальмами, как в зимнем саду, накрывались гигантские столы, и зрелище было воистину чудесное. Частные танцы также устраивались в Аничковом дворце, когда там проживали император с императрицей. Последняя изумительно и элегантно танцевала и страстно любила развлечения. На эти частные балы доступ был ограничен и приглашались исключительно близкие друзья и родственники.

Когда мой муж был молодым офицером и только что получил повышение, он имел честь танцевать с императрицей, но, не слишком хорошо танцуя, он был в постоянном ужасе, что упустит партнершу и та упадет. По этикету в таких случаях ее величество и партнер танцевали одни, а все гости наблюдали за ними, так что они, естественно, были в центре внимания, на них были устремлены все взоры. Муж мой испытывал некоторое смущение, но императрица была очень элегантна в танце и скоро позволила ему избавиться от напряжения.

Во время правления царя Николая II развлечения при дворе устраивались редко. Императрица недолюбливала светскую жизнь, не проявляла интереса к танцам, а дети были еще слишком малы для появления в свете.

Их правление с самого начала было столь бурным и неустроенным, что ни в коей степени не может сравниться

с царствованием Александра III. Несмотря на это, многие великие князья и княгини, а также посольства и, кроме того, другие члены аристократического общества устраивали много ярких и восхитительных балов.

Император был большим поклонником драмы, так что императорские театры достигли высокой степени совершенства. Среди оперных артистов были не только хорошо известные русские, но также и самые прославленные певцы и артисты из всех стран. Русский балет был гвоздем программы представлений в Императорском театре. В Санкт-Петербурге было создано за счет государства нечто вроде училища танцев, называвшееся Императорской театральной танцевальной школой. В ученики брали детей в весьма раннем возрасте, некоторым было всего десять лет, и благодаря столь раннему обучению их танец был таким приятным и естественным. Они, казалось, буквально плыли по воздуху и едва касались земли, их танец демонстрировал поэзию движений.

Русский балет, а также наши наиболее знаменитые певцы приглашались во все главные столицы Европы и Америки, где имели огромный успех. Даже сейчас, хоть наша страна уже не наша, русские артисты, особенно балетные, повсюду встречают теплый прием.

В концертных залах устраивались сольные концерты зарубежных артистов, оркестров, скрипачей и пианистов, органной музыки и вокала. Можно было услышать величай-

ших виртуозов того времени. Я помню, как на одном из таких концертов Аделина Патти, изумительное сопрано, появилась, когда ей уже исполнилось пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, она все еще могла исполнять «Соловья» со всеми его трелями и руладами, и каждая нота звучала чисто и отчетливо. Она была невысокой женщиной с тонкими и хрупкими чертами, с очень темными глазами, которые так и сверкали на ее тонком лице. Ее одежда была достоянием моды 1870 года, и сама она больше походила на изящную вещицу из дрезденского фарфора. Мне говорили, что за какое-то время до своей кончины Патти продала свое горло Патологическому колледжу для изучения его строения и что, еще будучи живой, получила за это деньги. Я как-то рассказала об этом своей старой горничной, прослужившей у меня тридцать лет. Та вообразила себе, что у примадонны изъяли горло, но что я думала, что она все еще может петь!

«Как вы можете говорить такую ерунду, княгиня? – заметила она. – Никто не может петь без горла; как могли доктора купить его и при этом оставить ей возможность петь? Они, наверное, очень умные люди».

В тот вечер в Санкт-Петербурге, когда я познакомилась с мадам Патти, она мне сообщила, что раньше, когда она была маркизой де Ко, она несколько раз пела для моей бабушки (урожденной княгини Суворовой, о которой я упоминала в первой главе), и моя бабушка заметила: «Вы на самом деле очень красивы, но я не думаю, что когда-нибудь вы произведе-

дете настоящий фурор. Ваш голос слишком зычен. *C'est de la haute gymnastique sans sentiment*».⁸

Десять лет спустя Патти встретила с моей бабушкой во Флоренции, уже находясь в зените славы. После выступления она пришла в ложу моей бабушки и заметила: «В прошлом, боюсь, я была весьма самоуверенной. Что вы думаете обо мне теперь, княгиня?» Моя бабушка нежно улыбнулась. «*Tout les goûts sont dans la nature*»⁹, – был ее ответ. Она была известна своим остроумием. Как-то умываясь, она оказалась перед портретом короля Италии, висевшим на стене. Она сказала своей компаньонке, баронессе Мейдель, старомодной даме, совершенно не способной оценить шутку: «Пожалуйста, прикройте лицо короля, я могу его шокировать». Баронесса немедленно набросила на портрет шейную косынку, что доставило моей бабушке огромное удовольствие.

На одном из последующих концертов перед войной меня представили знаменитому скрипачу Кубелику. Он играл перед императором и императрицей, которые были так восхищены, что подарили ему золотой портсигар, украшенный бриллиантовым императорским орлом. В тот раз он играл «Московские сувениры» Венявского, и в этой пьесе есть такая высокая нота, что я заметила своему мужу: «Уверена, струна порвется». На что он ответил: «О нет, скрипач всегда знает, как надо обходиться с инструментом». Как ни стран-

⁸ В нем больше гимнастики, чем чувства (фр.).

⁹ В природе есть место всем вкусам (фр.).

но, Кубелик избрал ту же пьесу, когда давал прошлой осенью концерт в «Альберт-Холле» в Лондоне, и, опять же странно, струна действительно лопнула на критически высокой ноте. Я сочла это как исполнение предсказания, потому что Москвы уже больше нет. Однако он взял другую скрипку и блестяще закончил эту сюиту. После концерта он сказал мне, как ему ужасно недостает доброты императора и русского гостеприимства.

Каждой весной в частную оперу приглашалась итальянская труппа, и задолго до назначенной даты выступлений продавались билеты. Среди артистов были Тетрацини, Баттистини (знаменитый баритон) и великий любимец русской публики Мазини, тенор с очень высоким голосом. Однажды шла опера «Фауст», и у него была заглавная роль; в то время ему, должно быть, было около семидесяти. Когда он пел отрывок «*Salut, demeure, chaste et pure*» («Привет тебе, бедный и целомудренный дом»), вся публика сгорала от нетерпения в ожидании, зная, что он должен взять высокую ноту. По какой-то причине он не рассчитал высоту звука, эта нота прозвучала невыносимо заурадно, и вместо аплодисментов раздался взрыв безудержного смеха. Но его простили, учитывая его возраст и уже завоеванную огромную популярность, тем более что он завершил партию без каких-либо погрешностей.

В «Манон» и «Таис» Массне, а также в «Травиате» пела известная певица – красавица Лина Кавальери. Ее голос

не отличался широким диапазоном, но так восхитительно звучал, ее игра была столь совершенной, а личность – такой привлекательной, что устоять перед ее очарованием было невозможно. К тому же ее драгоценности, платья и все в ней скорее притягивало взор, чем трогало сердце. Было модно встретиться с Линой Кавальери. Впервые мы встретились с ней в первые дни моего замужества. Она была очень просто одета, в блузку и юбку, и проходила с маркизом Рудини перед казино в Монте-Карло. Мой деверь был просто *epris de son ravissant visage aux yeux songeurs*¹⁰. Потом он сильно увлекся ею – совсем как паж в рыцарском романе. Они были преданы друг другу, и он всегда оставался ее другом.

Позднее в неаполитанском костюме она пела народные песни своей страны в одном из кабаре Санкт-Петербурга. Позже она вышла замуж за М. Мюратора из парижской «Гранд-опера» и потеряла всю свою прежнюю привлекательность. Говорят, у нее была такая сильная воля, что помогла ей преодолеть все препятствия, и после многих тяжелых усилий она достигла зенита славы благодаря исключительно самой себе.

В Императорском театре актеры выступали в самых изумительных костюмах, а декорации были великолепны. Примами-балеринами были Павлова, Карсавина и Кшесинская, пленявшие всех своей грацией. Один известный мужчина-танцор как-то проявил дурной вкус и наглость, появив-

¹⁰ ...влюблен в ее очаровательное лицо с задумчивыми глазами (фр.).

шись перед императором в одном трико. Его предупредили и оштрафовали, но никакого эффекта. С ним ничего не могли поделать – он постоянно появлялся в костюмах, вряд ли приличных, так что ему пришлось покинуть Императорский балет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.